

Зинаида Алексеевна Чеканцева

ОТКРЫТЫЙ ПРОТЕСТ как ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ: ФРАНЦИЯ XVII–XVIII вв.

Европейский альманах 2003.
ИВИ РАН, М., 2004.

Веб-публикация: [Eleonore](#) и редакторы сайтов [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#).

«Общественное мнение», демонстрируемое на первых страницах газет в виде процентов («60% французов одобрительно относятся к ...») есть попросту чистейший артефакт. Его назначение — скрывать то, что состояние общественного мнения в данный момент суть система сил, напряжений (курсив мой – З.Ч.) и что нет ничего более неадекватного, чем выразить состояние общественного мнения через процентное отношение.

Пьер Бурдьё

Принято считать, что понятие "общественное мнение" было изобретено веком Просвещения для обозначения "ясно ощутимых и поддающихся описанию установок значительной, а в некоторых случаях и подавляющей части населения по тому или иному вопросу, затрагивающему интересы всего общества"¹. Однако и сегодня это понятие далеко не так ясно, как хотелось бы, хотя всем оно кажется вполне очевидным. В философии и социологии политики до сих пор не удалось разработать сколько-нибудь убедительную теорию общественного мнения². Весьма проблематично это понятие и для историков, которые в силу особенностей дисциплины имеют дело с конкретными явлениями³.

В современной историографии речь идет преимущественно об общественном мнении как о рациональном ясно выраженном, устойчивом мнении просвещенной элиты или "публики". При этом, как и во времена Габриэля Тарда и Гюстава Лебона такое мнение противопоставляется иррациональному, противоречивому, переменчивому волеизъявлению народа, толпы, как чему-то низшему, примитивному и т.п.⁴ Между тем в последние десятилетия прошлого века появились исторические исследования, в которых тема общественного мнения представлена по-новому. В частности, на конкретном материале показано, что во Франции века Просвещения ясно давало о себе знать "мнение народное" ("opinion populaire"). Оно присутствовало везде, где совершалось действие (в конкретном историческом пространстве коммуны, городского квартала, на рынке, на улице) и проявлялось в необычайном богатстве коммуникативных практик (плакаты, фольклор, различные иллегализмы, запрещенные процессии, бунты и т.п.)⁵.

Одной из таких широко распространенных социокультурных практик был открытый протест. Исследование этой практики на французском материале последнего века Старого порядка (1661-1789 гг.)⁶ убеждает в том, что именно во время конфликта обнаруживает себя "система сил и напряжений", которая по мысли П.Бурдьё и есть "состояние общественного мнения в данный момент".

Во Франции между Фрондой и Революцией наряду с продолжительными масштабными народными восстаниями было много менее ярких, почти повседневных и потому банальных актов протеста, внезапно вспыхивающих и быстро затухающих. В рамках большой временной длительности это даже не события, а происшествия. Однако они отчетливо проявляют самые злободневные проблемы общества и позволяют сделать явными некоторые глубинные черты массового сознания, которые, как правило, скрыты в спокойное время.

В документах эпохи народные выступления в зависимости от обстоятельств именовались народными толпами, сборищами, возмущениями, волнениями, бунтами, мятежами, восстаниями (*atroupements, rassemblements, emotions, rebellions, emeutes, seditions, revoltes*). Современных исследователей поражает этот набор обозначений, в котором трудно установить какую бы то ни было иерархию. Хотя очевидно, что с точки зрения современного французского языка все эти слова далеко не однозначны и не равны. Документы, в которых говорится о конкретных проявлениях прямого действия, так же как литература, не помогают прояснить этот вопрос: очень часто и наблюдатель и историк одно и то же проявление оспаривания обозначает по-разному⁷. Сохранившийся в Национальной библиотеке отрывок из уголовного трактата XVII в.⁸ позволяет уловить определенные различия между понятиями *sedition* и *emotions populaires*.

Под восстанием (*sedition*) этот документ понимает "всякий бунт (*revolte*) населения города, коммуны или другого образования (*corps*) такого, как армия, полк и т.п., против магистрата или командования; против персоны суверена или государства". Всякая конспирация или заговор – это тоже своего рода восстание (*sedition*). Восстание расследовалось как уголовное преступление. Право расследования имели судьи разных юрисдикций, а решение в последней инстанции принимали гражданские и уголовные судьи, а также прево жандармерии.

Народными волнениями (*emotions populaires*) называют "всякий ропот (*rumeur*) народа, направленный на нарушение общественного спокойствия и порядка". Народное волнение, которое происходит с заранее обдуманной намерениями вызвать восстание черни с тем, чтобы произвести беспорядок в городе, бурге или деревне, рассматривается как основное преступление (*crime capital*). Чтобы волнение расследовалось, как *emotions populaires* в нем должны участвовать не менее 10 человек.

Были нюансы и в предусмотренных законом формах наказания. Восстание каралось смертью (июльский эдикт 1561 г., ст.1.) Но эта мера применялась только тогда, когда восстание направлено против Государя или Государства, или если бунту предшествовал заговор. Если же восстание не представляет серьезной опасности и не сопровождается убийствами, наказание должно быть менее серьезным, в частности, виновные могут быть наказаны кнутом. Руководители восстания и те, кто подбивал к нему речами или действиями, всегда должны быть наказаны смертью как виновные в преступлении против Величества.

Народное волнение не считается восстанием, когда оно направлено не против Суверена или тех, кому он доверял свою власть, но только против частных лиц (в качестве примера приводится хлебное волнение, связанное с попытками помешать вывозу зерна); его участники не должны наказываться так же как участники восстания. В таком случае наказание зависит от обстоятельств. Если имели место воровство и применение оружия, то может быть применено "основное наказание", иногда смерть (в случаях, когда насилие приводило к смерти). Если имело место только "ношение оружия" без воровства или воровство без оружия наказание должно быть меньшим: в одних случаях галеры, в других – изгнание или каркан (выставление у позорного столба, своего рода гражданская казнь).

История подавления конкретных народных выступлений показывает, что на практике власти и юристы в целом руководствовались этими основными положениями. Однако, несмотря на запреты властей, волнения продолжались, и никакие наказания не могли остановить людей, которые не видели другого способа заставить себя услышать.

Представители властей и другие современники событий, описывая тот или иной бунт, всегда рассказывают о них как о "беспорядках". Детали, которые они сообщали, должны были по их логике подтвердить это впечатление. Позже историки, слишком доверяющие рассказам современников, долгое время интерпретировали открытый протест главным образом как проявление дисфункции системы, как "беспорядок". И лишь совсем недавно такой подход поставлен под сомнение, прежде всего потому, что в гуманитарном знании было реабилитировано "действие": исследователи стали доверять "жесту" не меньше, чем букве.

Являясь одним из проявлений народной культуры, бунт в критической ситуации мобилизовывал все ее средства и образы коллективного воображаемого для того, чтобы продемонстрировать мнение участвующих в нем людей, или, как сказал Ле Руа Ладюри, "протанцевать свой протест". Присутствующие в открытых народных выступлениях фольклорные черты (бой набата, грохот барабана, музыка, танцы, маскировка, травестия, ругательства) не исчерпывают богатый фонд народной культуры, который сознательно или бессознательно использовали бунтовщики, но все они облегчали разрыв с повседневностью, вводя людей в иной пульсирующий временной ритм и внося определенную упорядоченность в их действия⁹.

Как правило, для открытого выступления, особенно насильственного нужен был толчок. Его проявления чрезвычайно разнообразны: резкое повышение цен на хлеб торговцами, отказ администратора таксировать завышенные цены, известие о введении нового налога; распоряжение о высылке Парламента; арест одного или нескольких участников мирной манифестации; нечаянное или намеренное убийство кого-либо из простых людей в той или иной критической ситуации; ввод войск или жандармерии; появление налогового служащего, землеустроителей или лесных стражников, неумелые действия палача во время публичной казни, конфискация имущества за долги и т.п. Природа таких толчков–провокаций настолько различна, что они не поддаются сколько-нибудь корректному обобщению. Тем не менее, уже их характер проявляет существо проблем, которые волновали общество. Связь этих проблем с бунтарским поведением хорошо видна также в типологии бунтов, давно разработанной в историографии: антиналоговые, продовольственные, аграрные движения, возникшие в недрах сеньории, рабочие выступления и т.п. Однако помимо этих известных форм протеста были и другие. Рассмотрим некоторые из них подробнее.

В период самостоятельного правления Людовика XIV изнурительные войны, подрывая хрупкое бюджетное равновесие государства, не только сопровождалось ужесточением налогового гнета, прямым разорением пограничных областей страны и людскими потерями, но и чрезвычайно обостряли непростую и в мирное время проблему солдатских постоев. Абсолютистская администрация во второй половине XVII в. дополнила старую систему, функционировавшую со времен Генриха II, новыми регламентами (1665, 1672, 1675, 1678). В этих документах была детально разработана процедура военных постоев. Предусматривалось, в частности, обязательное предупреждение соответствующих коммунальных властей о прибытии войск, оговаривался порядок их расквартирования, количество тягла, повозок и т.д. Однако на практике злоупотребления были бесчисленными¹⁰. Бывали случаи, что у одного хозяина расквартировывалось до 30–40 человек. Во время войны численность проходящих армий достигала иногда сотни тысяч людей. Понятно, что постой были одной из самых тяжелых повинностей. При этом имели значение не только существенные для простого человека материальные денежные затраты, но также разорение и унижение, связанные с проходом войск или даже их непродолжительным постоем. Отсутствие дисциплины в войсках, недостаточное обеспечение их продовольствием, постоянные задержки с выплатой жалованья приводили к тому, что мародерство, насилие, вымогательства со стороны военных были правилом. Жители защищали свое хозяйство, жизненный уклад и достоинство, как могли: писали коллективные жалобы в центральные и местные административные органы¹¹, в том числе интендантам, посылали специальные депутации в судебные инстанции, припрятавали фураж, хлеб, тягловый скот, наконец, бунтовали.

Детальный рассказ о "настоящем разорении", которое чинили войска в пограничных приходах Шампани в конце XVII в. оставил один из местных чиновников¹². Офицеры привыкли к тому, что в военных подразделениях часто оставалось только 2/3 солдат, остальные занимались мародерством в соседних приходах. Солдаты группами входили в деревни, бывало, в течение суток там бесчинствовали, пользуясь всем, что им было нужно, отбирая деньги и вещи. Более того, они врываются в помещения отдельных налоговых откупов и грабили их, взламывая кассы. Жители нескольких коммун организовали отряды и оказали вооруженное сопротивление: солдаты были разоружены, многие из них убиты и ранены.

Даже если бы недисциплинированность солдат не приводила к погромам налоговых контор, постой, разоряя конкретных жителей, в конечном счете, были разорительными и для государства. Кольбер не уставал докладывать об этом королю. В одном из таких докладов он отметил, что за шесть мирных месяцев четыре центральных генеральства – Парижское, Амьенское, Суассонское и Шалонское – пострадали от солдатских маршей и постоев больше, чем за шесть лет последней войны. "Великие короли всегда предпочитают, чтобы их хвалили только за то, что они направляют войска на территорию своих врагов, и никогда на земли своих подданных", – писал в 1666г. выдающийся реформатор¹³. Протесты населения, связанные с постоями, были сигналом для властных структур о неблагополучии в этой области. Постепенно по мере укрепления дисциплины в армии и внедрения в жизнь практики казарм открытое сопротивление против постоев прекратилось. Хотя и в относительно "мирный" для Франции XVIII в., по сравнению с "военным" XVII, случалось, что постой солдат вызывали сопротивление¹⁴.

Казалось бы, и население и государство были заинтересованы в преодолении одиозного явления общественной жизни, тем не менее, абсолютистская администрация почти до революции сохраняла практику постоев в качестве наказания строптивых подданных.

В конце XVII в. возникла новая проблема, порождающая открытый протест. Речь идет о бунтах и волнениях в сельских и городских коммунах при наборе солдат в территориальную милицию. Этот институт был введен в 1688 г. при военном министре Ф.М.Лувау в качестве временной меры, точнее, был восстановлен старый обычай. Вначале людей в милицию отбирало общее собрание прихода. В 1721 г. выборы были заменены жеребьевкой. Власти уделяли этой службе очень много внимания: ее количественный состав и структура менялись едва ли не ежегодно. В феврале 1726 г., когда милиция получила статус официального института, в ней было 60 тыс. человек¹⁵. В военное время эти батальоны использовали в качестве дополнительных воинских частей, в мирное – для подавления мятежей внутри страны. Привилегированные в мирное время были освобождены от набора. Основной контингент милиции составляли ремесленники и крестьяне. Молодые люди не хотели служить в милиции. Часто во время жеребьевки они уходили из прихода, хотя ставили себя этим вне закона: за уклонение от службы в милиции виновные зачислялись солдатами в регулярные войска провинции. Массовый характер приняло дезертирство из милиции¹⁶.

Современники отмечали, что набор солдат в милицию и флот не приносит пользы ни земледелию, ни государству. "Многие из этих молодых людей, – писал де Сен-Ламбер, – склонных к земледелию и необходимых для поддержки своих семей, оказываются далеко не лучшими в военном деле. Государство теряет полезных граждан, не приобретая хороших солдат"¹⁷. Для предотвращения негативных последствий наборов в милицию просвещенные современники предлагали отдавать предпочтение при этом городской молодежи и заменить слепую жеребьевку "ясным, свободным и добровольным правом выбора"¹⁸. Вряд ли современный историк может обосновать наличие связи между таким выводом и отношением простых крестьян и горожан к этому установлению. Но логика подсказывает, что такая связь была.

Почти каждая жеребьевка сопровождалась беспорядками, нередко вспыхивали бунты, для подавления которых стягивались дополнительные силы жандармерии, вызывались войска. Французские историки выявили 54 факта открытого протеста против набора в милицию с 1661 по 1789 г.¹⁹ Возможно, их было еще больше: Тюрго говорил, что всякий набор в милицию сопровождается бунтом. Имеющиеся в источниках описания таких бунтов в городах свидетельствуют, что они были вызваны сословным характером милиции и злоупотреблениями при жеребьевке. Для крестьянина служба в милиции была вторжением в его традиционную жизнь, грубо нарушающим ее общий ритм. Уже поэтому служба в милиции порождала массовое сопротивление, стала одним из предлогов для формирования "бунтовщического духа" в деревнях. Конечно, и в этом случае бунт был крайней формой коммунального протеста. Такое поведение, помимо прочего, свидетельствовало о том, что коммуна, или, по крайней мер, наиболее активная ее часть, при молчаливой поддержке остальных в некоторых случаях не желала подчиняться предписаниям правительства.

Весьма драматично в интересующий нас период развивалась еще одна линия противостояния мелкого люда и юридической машины абсолютизма. Речь идет о борьбе с бедностью и нищенством. Нищенство, как известно, было бичом французского общества Старого порядка. Начиная со второй половины XVII в. королевская администрация активизировала борьбу с этим злом. Разумеется, с бродяжничеством власти боролись и раньше, но проблема не только не решалась, но все более усложнялась общими тенденциями социально-экономического и демографического порядка.

Целью политики "очищения" была не столько ликвидация нищенства, сколько активное использование работоспособных нищих на галерах, в армии и флоте. Эти люди должны были также помочь администрации решить вопрос с заселением французских колоний в Америке. В сентябре 1666 г. специальное постановление Королевского совета предписывало всем нищим и бродягам покинуть королевство. Фиксируя большое количество нищих, этот ордонанс обязывал прево жандармерии и всех судейских вылавливать нищих и бродяг, заковывать в цепи и отправлять на галеры²⁰. Вскоре было найдено новое средство – богадельня. Первое такое заведение открылось в Париже в 1656 г. В 1724 г. их было уже 154 во всем королевстве²¹. Власти неоднократно принимали специальные декларации, в которых оговаривался порядок социального контроля над нищенством и способы борьбы с ним. Назовем даты важнейших королевских деклараций – 28 августа 1686 г., 10 февраля 1699 г., 25 июля 1700 г., 27 августа 1701 г., 18 июля 1724 г., 20 октября 1750 г.²² Помимо этих деклараций было много специальных постановлений парламентов²³ и других учреждений. Все эти бумаги были плохо согласованы друг с другом. Многочисленные инструкции для полицейских, дополняющие их, не только не вносили ясность, но еще более усугубляли эти противоречия. Все это создавало условия, позволяющие превотальным жандармам и стражникам злоупотреблять своими полномочиями.

Свою борьбу с нищими и бедностью вообще, власти аргументировали необходимостью сохранения безопасности подданных и их имущества, поскольку нищие и бродяги не всегда были безобидны. В XVIII в. сформировалась даже особая форма их борьбы за существование – агрессивное или угрожающее нищенство. Вооруженные группы нищих по 5-10 человек ходили по деревням и принуждали фермеров и зажиточных крестьян давать им продовольствие, одежду, деньги. Обычно им не отказывали, опасаясь поджогов²⁴. Широко распространенное по всей стране, временами перерастающее в разбой, агрессивное нищенство было одним из источников социального страха в среде имущих, кульминацией которого в XVIII в. был Великий страх лета 1789 г. В этой связи борьба, которую вело с миром бедности государство, была отчасти оправдана. С цивилизационной точки зрения ее можно рассматривать как одну из составных частей политики внедрения в общественное сознание труда как универсальной общественной ценности. В то же время законодательство против нищенства и практические приемы борьбы с ним, принимая иногда характер охоты на людей, ставили простого человека в положение раба, были ярким проявлением его вопиющего бесправия. Народные восстания в Париже 1720 и 1750 гг. были не только протестом против злоупотреблений полицейских, но и борьбой за право человека распоряжаться самим собой. Более того, как показали современные исследователи парижского восстания 1750 г., бунтовщики своими действиями добивались соблюдения установленных законом юридических процедур лишения личности свободы²⁵.

Уже к концу XVII в. значительную часть нищих удалось упрятать в богадельни и тюрьмы. Но у государства, которое было озабочено миром бедности главным образом в той мере, в какой этот мир мешал жить людям состоятельным, хронически не хватало средств на содержание этих заведений. В этой связи не были редкостью бунты заключенных (1740 г. – в тюрьме Бисетр, 1751 – Фор–Левек, 1754 – Маноск, 1771 – в г. По, снова в Бисетр). Существенно при этом, что бунтовали не столько уголовники, сколько люди, попавшие в тюрьму за долги и контрабанду.

Государственное принуждение, лишившее человека права распоряжаться самим собой, было, без сомнения, одной из самых тяжелых форм принуждения. По-видимому, не только интеллектуалы осознавали это. В современной французской литературе хорошо показано, что понятие чести при Старом порядке не было компонентом ментальности только образованной элитарной части общества. В простонародье существовал собственный кодекс чести, который соблюдала каждая крестьянская семья, община, профессиональная корпорация²⁶.

Упомянутые выше факты открытого протеста свидетельствуют, что в массах постепенно укреплялось сознание несправедливости такого общественного устройства, при котором с человеком можно обращаться как с вещью. Это была борьба не только против такой несправедливости, узаконенной юридическими предписаниями и распоряжениями, но и борьба за человеческое достоинство, за права человека (как мы сказали бы сегодня).

Органической частью повседневной жизни, как в городе, так и деревне были мелкие стычки с жандармерией. Конкретный материал свидетельствует, что они могли вспыхнуть в любое время и по любому поводу. В том случае, когда жандармерии противостояла более или менее большая толпа, дело квалифицировали как "возмущение против жандармерии" (*rebellion faite a la marechausses*) или как "revolte" (иногда "sedition"). В Национальном архиве сохранились мешки из грубой ткани, в которых находятся протоколы полицейских. Мне удалось посмотреть эти протоколы за 70-80-е годы XVIII в. Бумаги эти, как правило, написаны очень плохим почерком. Некоторые из них невозможно прочесть. Но те, что читаются, нередко позволяют восстановить подробно любопытные сцены таких "возмущений"²⁷. Попытки жандармов поддерживать порядок воспринимались как вторжение в коммунальную жизнь и неизменно вызывали отпор.

Сельские и городские коммуны презирали жандармерию, поскольку эффективность ее деятельности при Старом порядке была более чем сомнительна. Во-первых, жандармов было очень мало: накануне революции 4 тысячи. Если исходить из того, что во Франции в то время было 28 млн. человек, то получается, что на 7 тыс. человек был один полицейский. Во-вторых, они постоянно демонстрировали свою нерешительность, неуверенность при наведении порядка. В деталях бунтовщических сцен, сохранившихся в полицейских протоколах, ясно проявляется это презрение.

Таким образом, "объекты" ("предметы") "общественного мнения", которые проявлялись в критических ситуациях в разное время и в разных уголках страны интересовали не только бунтовщиков, но и все общество. Более того, в ситуациях оспаривания вырабатывался некий общий взгляд на вещи. На разных уровнях власти и население осваивали трудную науку "жить вместе".

Носителем бунтарского поведения в традиционной Франции чаще всего была историческая толпа. Исследование ее поведения в последний век Старого порядка показывает, что в конкретной ситуации такая толпа вела себя как "совокупная личность", обладающая волей и сознанием. По-видимому, протестующую толпу этого времени можно рассматривать как "субъекта общественного мнения". Разумеется это весьма специфический "субъект" – эмоциональный, ситуативный, неустойчивый, непоследовательный. Тем не менее, анализ событийной ткани, которую позволяют восстановить различные источники, свидетельствует, что простые люди в условиях конфликта руководствовались своего рода "практическим разумом" (М.М.Бахтин), который не менее основателен, чем разум интеллектуалов. Конечно, в отличие от последних люди улицы действовали, опираясь не на абстрактные логические понятия, а на то, что веками накапливалось в их культуре.

Формировалась протестующая толпа, как правило, спонтанно. Однако с самого начала своего существования в непредсказуемом сценарии бунта она была занята поиском смысла происходящего или, говоря словами М. Вебера, "производила смысл". Ключом к пониманию этого смысла, по-видимому, могут быть слова идентичность и легитимность.

Осознавая свое место в ситуации, толпа, прежде всего, выясняла распределение ролей, определяя реальных/воображаемых врагов ("их"). Вместе с тем для сплочения противостоящего этим врагам "мы" чрезвычайно важно было обосновать свое право на существование и действия. С этой целью в процессе самоидентификации протестующая толпа изобретательно отбирала и использовала средства, накопленные в ходе предшествовавшего социокультурного опыта. В частности, она как правило искала, живо адаптировала и создавала различные идеи-образы, используя их в своих интересах. Большую роль при этом играли слухи, которые в период кризисов, отчасти заменяя информацию, помогали людям определить стратегию поведения. Материалы свидетельствуют, что в течение века некоторые из таких слухов (легенда о голодном заговоре, слухи о том, что забирают детей в колонии, слухи связанные с новыми налогами и т.п.) становились устойчивыми компонентами коллективной памяти, своеобразными мифами, которые передавались от одного поколения к другому²⁸.

Среди способов легитимации бунтовщического поведения неизменно присутствовали апелляции к властям, в том числе к верховной власти короля, и имитация их действий. Общим местом было подражание юридическим процедурам, в частности принятым в обществе формам наказания за преступления, постоянное подчеркивание лояльности и активное использование элементов народной культуры, чтобы убедить в традиционности, "хорошем порядке" своего поведения, смысл которого лишь в том, чтобы заявить о законных требованиях.

Приведем несколько красноречивых свидетельств. Во время недорода 1693 г. власти Бургундии приняли меры, чтобы зерно не вывозили из провинции. В соседней Бурбонне в этой связи стала ощущаться нехватка хлеба и повсюду "множились бунты и волнения, которым власти не могли противостоять". При этом бунтовщики стремились найти законные основания для своего протеста. В частности, в Мулене народ поднялся под предлогом, что суда с зерном, якобы предназначенные для Парижа, "не имели сопроводительных писем и сертификатов, разрешающих транспортировку"²⁹. 22 сентября 1766 г. в портовом городе Санс произошел "бунт-препятствие". Более 200 человек, осадив полицейских чиновников в ратуше во время заседания, требовали "осуществить правосудие и запретить вывоз зерна", которое было куплено торговцем съером Экуани и уже погружено на корабли для отправки в Руан. Не встретив понимания, бунтовщики, продержав в ратуше чиновников больше часа и разграбив несколько мешков с хлебом, разошлись. Однако к 8 часам вечера более двух тысяч человек устроили обыск на двух кораблях, груженных зерном. Они нашли 20 мешков зерна, маркированных инициалами торговца, и растащили их. При этом они спрашивали и у торговца, и у властей, есть ли у них разрешение короля на вывоз хлеба, и требовали предъявить его письменное распоряжение³⁰. Как показала Б.Меяр, во время хлебных волнений 1774 г. в Туре и окрестностях бунтующие толпы без конца говорили о необходимости уважать законодательство хлебной торговли. Разумеется, речь шла о том, что они сами считали законным в этой сфере. 17 февраля в Сен-Радегон женщины, задерживающие повозку с хлебом, говорили, что у них "есть приказ останавливать эти повозки и препровождать к служащим, ответственным за полицию хлебной торговли, чтобы знать, кому они принадлежат". То же наблюдалось и в других местах: 19 и 20 февраля в Вельере люди утверждали, что имели приказ останавливать лодки с хлебом "от господина Шеемо, синдика Лиит и офицеров полиции" (в ходе расследования выяснилось, что Вельер не входил в сферу компетенции полиции Лиит). В Савоньере жители говорили фискальному прокурору, что есть "постановления и регламенты в Туре, запрещающие хлебную торговлю". Власти были убеждены, что люди, останавливающие хлебные повозки и баржи с зерном, хотели "передать их в руки полиции, чтобы зерно было продано на рынке" в соответствии с установленным порядком³¹.

Крестьяне в продолжительном конфликте с сеньором Бонафо де Преске в Дофине требовали от него подтвердить свои претензии на использование лесов *Caу* феодальными документами³². Во время бунта в Фуа в 1784 г. организаторы его требовали у мэра долины Викдессу господина де Лапрада "копию постановления, вводящего дотацию". По свидетельству мэра, он предоставил бунтовщикам такую копию³³. В Ламбале (1788 г.) бунтовщики, останавливающие хлебные повозки и баржи, были убеждены, что экспорт запрещен с марта. По показанию свидетелей, "руководители бунтов их убедили, что они подчиняются королю; один из них даже говорил, что видел письмо, запрещающее экспорт"³⁴.

Стремление заставить услышать себя, доказать свое право на вмешательство в ход событий и вместе с тем не нарушать существующих предписаний парадоксальным образом совмещалось во многих бунтах. Выраженные публично на площади, на улице и т.п. эти желания, переплетаясь, придавали бунтовщическому поведению такое сложное содержание, что современники, а вслед за ними и историки предпочитали квалифицировать его как "непостижимое". Ломбар, докладывая Кольберу о восстании в Бордо 26 мая 1675 г., писал: "Это начало беспорядка имело удивительное продолжение, потому что вооруженные бунтовщики, маршируя под звуки барабана к ратуше, требовали у жюрады (городского совета – З.Ч.) освобождения одного из их людей, отправленного в тюрьму, и оскорбляли всех, кто не был согласен с их безнадежным планом, так как не знали, чего они хотят. Встретив торговца вином из Ла-Рошели, ему нанесли несколько ударов за то, что он не захотел кричать "Да здравствует король без габели!"³⁵ Рассказывая о погроме, который был учинен в ходе дижонского бунта 18 апреля 1775 г. в доме советника парламента господина Фитджо, заподозренного в продовольственных махинациях, советник писал: "Не могу Вам дать представление об опустошении, которое тогда было совершено. В самом деле, это что-то непостижимое и надо было видеть эту сцену, чтобы понять ее"³⁶.

Смысл легитимации бунтовщического поведения – утверждение "порядка" посредством запрещенного законом действия, абсурдный с рациональной точки зрения ускользал от современников. Возможно, отчасти это было связано и с широко распространенным мнением, что простонародье, толпа не способна действовать самостоятельно. Отсюда идея заговора, которую так часто использовали современники, а потом и историки для "объяснения" "странных" проявлений протеста. А.В.Гордон уподобил распространенное в крестьянских движениях "воображаемое участие в воссоздании социального порядка" "социогенезу архаического действия, когда творящий космос коллектив вначале всеми возможными способами и с интенсивнейшей растратой психической энергии воспроизводил хаос"³⁷. Мои материалы и появившиеся на Западе работы, где исследуется "логика толпы" и "правила бунта", показывают, что протестующая толпа не только творила хаос, но и пыталась противопоставить существующему несовершенному "порядку" собственный, основанный на, безусловно, утопических принципах справедливости для всех.

1. См. Мир Просвещения. Исторический словарь. Под. ред. В.Ферроне и Д.Роша. М., 2003. С.286.
2. См. об этом Гавра Д.П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии . 1998. Т.1, вып.4.
3. проблематизации понятия см. Уваров П.Ю. Париж XV века: события, оценки, мнения... Общественное мнение? // Одиссей 1993. М., 1994 С.175–193.
4. Такое противопоставление "opinion publique" и "opinion populaires" было введено еще мыслителями XVIII века. См. Chartier R. Les origines culturelles de la Revolution francais. P., 1990. P.42–44.
5. См. например, Farge A. Dire et mal dire. L'opinion publique au XVIII e siecle. Paris, 1992.
6. См. Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и революцией. Новосибирск, 1996

7. Lemarchand G. Les troubles de subsistances dans la generalite de Rouen // AHRF. 1963. N 174. P.140; Vovelle M. La chute de la monarchie (1787-1792). Paris, 1972. P.99; Hours H. Emeutes et emotions populaires dans les campagnes du Lyonnais au XVIII siecle // Cahiers d'histoire. 1964. T. IX. N 2. P.138.
8. Bibliotheque National. Paris. (Далее – BN). Mss. Joly de Fleury, 1103. P.68–70. Extrait du traite de la justice criminelle de France. T.4. Titre 47. P.106. Seditions et emotions populaires
9. См. подробнее Чеканцева З.А. Указ.соч. С.185–193.
10. См., например, Correspondance des controleurs generaux des finances avec les intendants des Provins. Ed. Par Boislisle A. M. Paris, 1874–1876. T. 1–3. (далее – CCG.) T. III. P. 444. N 1274. Le sieur Regnaule, president en l'election de Reims au c.g. 7 mai 1712.
11. Вопрос о солдатских постоях постоянно обсуждался на заседаниях городских и сельских советов. Жалобы на чрезмерность постоев, на насилия и самоуправства военных, которые довели жителей до крайности, переполняют материалы протоколов. См. например, Inv. som. Gironde. Bordeaux, 1909. T.2. E supplés. 2352.
12. Le sieur Regnaule, president en l'election de Reims au c.g. 7 mai 1712 // CCG. T.III. P.441.
13. Lettres instructives et memoires de Colbert. Ed. par P. Clement. Paris, 1861–1864. 6 vol. TII. Pt. 1. P.CCXX.
14. См. Чеканцева З.А. Указ.соч. С.94.
15. Отдел рукописей РГБ. Ф. 68. Генеральный штаб. Ин. 1181. Артиллерия. Memoire preliminaire sur l'ordonnance des Regiment provinciale.
16. См., например: Inv. som. com. Grenoble. Grenoble.1906. T. III. EE 2. P. 108. Ordonnance du Roi contre les fugitifs et deserteures de la milice. 1 janvier 1748.
17. ЦПА ИМЛ. Фонд 320. Д.76. Л.20.
18. Там же.
19. См. Nicolas J. Les tumultes juveniles en France au XVIII s. // Aux origines provinciales de la Revolution. Paris, 1988. P.141.
20. BN mss. fr. 16744. Ordonnances, declarations et arrets sur la police. F.213.
21. BN mss. Joly de Fleury. 1308. Mendiants. 1750-1751.
22. BN mss. Joly de Fleury. 1307. Mendiants. 1724-1741. F.8-13. Memoire sur les mendiants, vagabonds et gens sans aveu.;1308. F.51. Declaration du Roi, concernant les mendiants. Le 20 octobre 1750.
23. См. напр.: BN mss. Joly de Fleury. 1307. Mendiants 1724-1741. F.113, 116, 129 et suiv.
24. См. подробнее Чеканцева З.А. Указ.соч. с.136-137.
25. Farge A., Revel J. Logique de la foule. L'affaire des enlevement d'enfants. Paris, 1750. Paris. 1980.
26. Flandrin J. Les amoures paysans. Paris. 1975. P.170–171; Darmon P. Mythologie de la femme dans l'Ancien France. XVI–XVIII ss. Paris, 1983. P.127.
27. См. подробнее Чеканцева З.А. Указ.соч. С.98–100.
28. Там же. Глава III.
29. M. Vayer, intendant a Moulins, au c.g. 28 octobre 1698 // CCG. T.1. P.195.
30. BN mss. Joly de Fleury. 1134. F.128–134. Proces-verbal par l'officiers de police de Sens a l'ocation d'une emotion populairee et vol de Bled. F. 135–139 Lettre anonime du 24 septembre 1766.
31. Meillard B. Une emeute de subsistance a Tours au XVIII siecle // Annales de Bretagne. 1985. N 1. P.35–36.
32. Archives Nationales. Paris. O' 186. Memoire du 10 mars 1779.(далее – AN)
33. AN H-718, d.2, Piece 197.
34. AN BB 30 87. Emeute de Lambale. 1788. Piece 102.
35. Lettre de Lombart a Colbert, le 27 mars 1675 // Correspondance administrative sous le regne de Louis XIV. Ed. Par G.B. Depping. Paris, 1850–1855. V.1–4. V.3. P.249.
36. Relation de l'emeute 18 avril 1775. Lettre d'un temoins oculair publie dans "Journal de la Cote-d'Or". N du 3 avril 1858.
37. Гордон А.В. Крестьянство Востока: исторический субъект, культурная традиция, социальная общность. М., 1989. С.169.

Материалы, близкие по тематике:

[З.Чеканцева. Об исторической природе насилия: Франция XVII-XVIII вв.](#)

[З.Чеканцева. Политические представления французских простолюдинов на исходе Старого порядка](#)

[З.Чеканцева. Устойчивые слухи в обществе как проявление «коллективного воображаемого»](#)

[Ж.Лефевр. «Великий страх» 1789 года](#)

[Л.Февр. Гигантский лживый слух. Рецензия на книгу Ж.Лефевра «Великий страх 1789 года»](#)

Дж.Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848. Главы из книги:

[Французская революция](#)

[Народные низы в истории. Лики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения](#)

[Народные низы в истории. Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста](#)

[И.Берго. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции](#)

[И.Берго. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1776 гг.](#)

[Т.Богданович. Аристократия и народ накануне Французской революции 1789 г.](#)

[Алексис де Токвиль. Старый порядок и революция](#)

[И.Тэн. Происхождение современной Франции \(Строение общества, 14 июля 1789 года\)](#)

[СВОДНЫЕ ССЫЛКИ по ПЕРСОНАЛИЯМ](#)